8. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava (CHast' Obshchaya). T. I. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968.
9. Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo: CHast' Obshchaya. T. 1. Tula: Avtograf, 2001.
10. Volkov I. M. Zakony Vavilonskogo carya Hammurabi. M., 1914.
11. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M-NORMA, 1998.
12. Esakov G. A. Mens rea v ugolovnom prave SSHA: istoriko-pravovoe issledovanie. SPB.: YUridicheskij centr Press, 2003.
13. Tagancev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo: CHast' Obshchaya. T. 2. Tula: Avtograf, 2001.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2006.
15. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / per. s fr. V. Naumova / Pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999.
16. Asmolov A. G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Smysl : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007.
17. Kovalevskij M. Sovremennyj obychaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. T. 2. M.: Tipografiya V. Gatcuk, 1886.
18. Aleksandrov YU. I., Aleksandrova N. L. Sub"ektivnyj opyt, kul'tura i social'nye predstavleniya. M.: Institut psihologii RAN, 2009.
19. Vygotskij L. S. Psihologiya. M.: Eksmo-Press, 2000.
20. Pergataya A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnih po zakonodatel'-stvu Federativnoj Respubliki Germanii: dis. … kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 1999.
21. CHubinskij M. P. Ocherki ugolovnoj politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoj politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava. M.: INFRA-M, 2008.

УДК 343.9 DOI:10.22394/2074-7306-1-2-131-144

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Щедрин Николай Васильевич доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деликтологии и криминологии Юридического института, Сибирский федеральный университет (660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79). E-mail: sveroboy@mail.ru

Куда ж нам плыть?

А.С. Пушкин

Для корабля, который не знает в какую гавань ему идти – ни один ветер не будет попутным.

Луций Анней Сенека

Аннотация

Проблемы российского ювенального уголовного права рассматриваются в статье в контексте дискуссий о ювенальной юстиции и ювенальном праве. Выделение и обособление ювенального уголовного права в отдельный правовой институт есть результат специализации правовых норм, который отражает специфику несовершеннолетнего возраста. Автор выделяет и комментирует одну из закономерностей развития ювенального уголовного права: сокращение применения уголовного наказания и увеличение применения альтернативных наказанию мер уголовного воздействия. По его мнению, наиболее перспективным видом мер уголовного воздействия в отношении несовершеннолетних должны стать принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ). Отмечая

факторы, мешающие увеличению частоты их применения, автор формулирует ряд предложений, которые могут этому способствовать: новую трактовку правовой природы ПМВВ, изменение их перечня, совершенствование процедуры назначения и создание инфраструктуры исполнения собственно воспитательных мероприятий.

Ключевые слова: *ювенальная юстиция, ювенальное право, ювенальное уголовное право, уголовное наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, инфраструктура исполнения.*

Десятилетие назад в России развернута кампания по дискредитации ювенальной юстиции, которая стигматизируется как изобретение Запада, подрывающее основы православной культуры, разрушающее традиционный уклад семейных отношений, и, в частности, лишающее родителей власти над ребенком. Хождение имеют даже апокалиптические прогнозы: «если в России будет официально введена ювенальная юстиция, то начнется мировая очистительная война» [1].

Бездоказательным аргументам противников ювенальной юстиции трудно что-либо противопоставить, поскольку они оперируют таинственно-смутным, но изначально очень негативным «образом» ювенальной юстиции. Ни один из критиков ни разу не уточнил, что же именно лично он понимает под данным словосочетанием?

В предложенных обществу страшилках, как правило, отсутствуют сравнительный анализ статистики, ссылки на конкретные нормы международных и иностранных нормативных правовых актов, не приводятся мотивировочные части тех или иных критикуемых решений по конкретным делам. Все многообразие проблем обращения с несовершеннолетними сводится к мифу – «западная ювенальная юстиция позволяет по пустяковым поводам отбирать детей у родителей». Типично доказательным аргументом служит телевизор, в котором та или иная «говорящая голова» рассказывает о каком-то заграничном случае ограничения (лишения) родительских прав, чаще всего, россиянина или россиянки.

Ни один настоящий специалист не возьмется дать юридическую квалификацию события, посмотрев телепрограмму, но не исследовав нормативно-правовую и фактическую основу конкретного дела. Можно предположить, что в том или ином случае действительно имела место ошибка правоприменителей той или иной страны, неправильно интерпретировавших ситуацию. Но ведь и в нашей стране, где, по мнению критиков, еще якобы нет ювенальной юстиции, с подобным приходится сталкиваться едва ли не чаще.

Приведу пример. В одном из населенных пунктов Республики Хакасия приемный ребенок мужского пола (4 года) долгое время посещал детский сад с длинными волосами. На просьбу воспитателей постричь волосы ребенку приемная мать отвечала отказом. Поскольку такая прическа, по мнению воспитателей, оказывает влияние на формирование «неправильного образа о половой принадлежности ребенка», это стало основанием для постановления администрации района об отстранении приемной матери от исполнения обязанностей опекуна над пятью несовершеннолетними и попечителя над двумя несовершеннолетними детьми. В постановлении сделан вывод: «опекун (попечитель) Л. ненадлежащим образом исполняет обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних опекаемых, что выражается в непосредственном причинении опекуном (попечителем) вреда личности подопечных, путем необеспечения соответствующего внешнего вида детей, соблюдения ими правил гигиены и навыков самообслуживания, непринятию мер по надлежащему эмоциональному, психическому, физическому развитию несовершеннолетних детей».

Можно ли на этом основании сказать, что существующая в России правовая основа институтов опеки и попечительства порочна? Да нет, конечно. И это доказал районный суд, который, профессионально проанализировав весь спектр соответствующих норма-

тивных правовых актов (от Декларации ООН о правах ребенка и до должностных инструкций), отменил постановление администрации района и вернул детей в приемную семью[1].

Произвол и юридическая безграмотность чиновников не исключены в любой стране. Но чем руководствуются российские «антиювенальщики», когда отступления от принципов выдают за сами принципы ювенальной юстиции? Этот вопрос требует углубленного исследования. По моим предположениям, мотивы здесь разные. Некоторые хотят встроиться в модный псевдопатриотический тренд, предполагающий очернение Запада. Другие делают это из желания оправдать собственные домостроевские «воспитательные» навыки: «нас в детстве пороли, и мы пороть будем». Третьи бросаются на полезные «ювенальные мельницы», как Дон-Кихот, своеобразно соединив в некритичных головах телевизионные страшилки с собственными фантазиями. Четвертые тотально не доверяют государству: дескать, когда его представители с энтузиазмом принимаются за воплощение замечательных идей, побочные вредные последствия, как правило, превышают полезный эффект.

Но самое грустное заключается в том, что бездоказательные аргументы противников ювенальной юстиции поддерживаются значительной частью политиков, законодателей и чиновников. Особенно наглядно это проявилось в неудавшейся попытке создания ювенальных судов.

Напомню, что пункт 6 принятой Правительством РФ Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002 – 2006 годы и утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 предусматривал три этапа реформирование российской судебной системы в отношении несовершеннолетних:

первоначальный этап – разработка и принятие Федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации "О судебной системе Российской Федерации"»;

второй этап – разработка и принятие Федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации»;

третий, завершающий этап – разработка и принятие Федерального закона общей направленности «Об основах системы ювенальной юстиции»[2].

15 февраля 2002 г. Государственная Дума РФ единогласно приняла в первом чтении поправки в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», предусматривающий введение ювенальных судов[3]. Однако 8 октября 2010 г. проект был почти единодушно отвергнут. Одна из авторов и инициаторов законопроекта – депутат (а ныне – сенатор) Елена Мизулина через 8 лет необъяснимо кардинально поменяла свои взгляды и стала критиковать предложенный ею же законопроект. В качестве решающего аргумента против ювенальных судов этот представитель законодательной власти приводит, главным образом, несовершенство (!?) тех или иных норм российского законодательства [2].

Претензии к законопроекту были у многих специалистов, в том числе, и у меня, особенно в части расплывчатой формулировки – «ювенальные суды в пределах своей компетенции рассматривают дела, хотя бы одним из участников в которых является несовершеннолетний». Но вместо того, чтобы совершенствовать законопроект, депутаты решили вообще отказаться от создания ювенальных судов. И это несмотря на то, что необходимость глубокой специализации при рассмотрении дел о преступлениях несо-

[1] Административное дело № 2а-384/2017 // Архив Боградского районного суда Республики Хакасия.

[2] Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002–2006 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34171/.

[3] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 15.02.2002 № 2473-III ГД «О проекте федерального конституционного закона № 38948-3 "О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации"» // СПС «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru/4046197/.

вершеннолетних очень актуальна, что в очередной раз подтвердил Пленум Верховного Суда РФ, рекомендуя более глубокую специализацию и профессионализацию судей по делам несовершеннолетних[1]. А от специализации судей, до специализации судов один шаг, который Россия рано или поздно сделает. Но лучше бы раньше.

С точки зрения правовой логики, да и просто здравого смысла, такие зигзаги ювенальной правовой политики выглядят более, чем странно. Советский Союз и Россия добровольно подписали ряд конвенций, что предполагает определенные обязательства. В Конвенции о правах ребенка[2] закреплено: «Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» (п. 1 ст. 3).

И такая формулировка вовсе не «вбивает клин» между детьми и родителями. Уже в Преамбуле Конвенции сказано, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания».

Статья 9 Конвенции не оставляет в этом сомнения: «1. Государства – участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем или когда родители проживают раздельно и необходимо принять решение относительно места проживания ребенка.

2. В ходе любого разбирательства в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи всем заинтересованным сторонам предоставляется возможность участвовать в разбирательстве и излагать свои точки зрения.

3. Государства – участники уважают право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка».

Прошу прощения у коллег, но эту длинную цитату вынужден привести в надежде, что статью прочтут противники ювенальной юстиции, которые, судя по всему, с международными стандартами в сфере обращения с детьми, не знакомы вообще. Они будто бы не знакомы и с российскими реалиями, в которых кровные родители сплошь и рядом не только не занимаются воспитанием своих детей, но и отказываются их содержать. Злоупотребляя «священными» родительскими правами, они нередко истязают и даже насилуют своих детей. Противники ювенальной юстиции не хотят знать и действующее законодательство России, в котором, давно уже предусмотрены такие меры защиты как «лишение родительских прав» (ст. 69 СК РФ), а также уголовное наказание родителей за вовлечение детей в совершение преступлений или антиобщественных действий или в пьянство, за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей (Глава 20 УК РФ). И это при том, что в России ювенальной юстиции, якобы, еще нет.

Специалисты в области ювенального права долгое время следовали совету великого поэта – «…не оспоривай глупца», и не реагировали на нападки «антиювенальщиков». И, как оказалось, зря. Агрессивно-невежественное мифотворчество относительно

---

[1] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/12182757/.

[2] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс». URL: ttp://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.

ювенальной юстиции приняло в России такие масштабы, что само это словосочетание стало ругательным и его начали «вымарывать» из официальных текстов.

Под напором «антиювенальщиков» вместо словосочетания «ювенальная юстиция» в правовой оборот стал вводиться специальный термин «дружественное к ребенку правосудие». Именно так названа большая и замечательная глава «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы», которая утверждена Указом Президента В.В. Путина[1].

В этом документе достаточно хорошо проанализированы «болячки» и намечены основные направления правосудия, которое должно быть дружественным к детям. Я лично не против того, чтобы заменить словосочетание «ювенальная юстиция» более красивым. Тем более, что основные принципы дружественного к детям правосудия воспроизводят положения Конвенции ООН о правах ребенка и других международно-правовых документов: общедоступность; соответствие возрасту и развитию ребенка; незамедлительное принятие решений; направленность на обеспечение потребностей, прав и интересов ребенка; уважение личности и достоинства ребенка, его частной и семейной жизни; признание ключевой роли семьи для выживания, защиты прав и развития ребенка; активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке; усиление охранительной функции суда по отношению к ребенку; приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; наличие системы специализированных вспомогательных служб (в том числе служб примирения), а также процедур и норм общественного контроля за соблюдением прав ребенка.

Спрашивается, какую угрозу национальной безопасности России несут перечисленные принципы? Тем не менее «бдительные» противники ювенальной юстиции так же агрессивно протестуют теперь уже против «дружественного к детям правосудия». Так, например, 15 октября 2014 г. на одном из круглых столов общероссийского национального фронта председатель профсоюза работников образования Ямало-Ненецкого округа обратилась к В. В. Путину с голословной критикой концепции «дружественного к детям правосудия». Как выяснилось из увлекательного диалога, профсоюзный деятель не различает технологии массовых коммуникаций и технологии примирения, а также имеет очень приблизительные представления о «дружественном к детям правосудии». А Президент, к которому были адресованы претензии, не только не смог (а, может, не захотел?) вспомнить, что именно он подписал критикуемый Указ, но и поддержал ложный тезис о том, что «дружественное детям правосудие» – якобы угроза семейным отношениям [3].

Россия привычно «наступает на одни и те же грабли». Новоявленные «лысенки» опять приступают к «яровизации», в данном случае законодательства. Предвижу как по прошествии десятилетий борьбу с ювенальной юстиции Россия будет вспоминать с таким же сожалением и стыдом, как сейчас борьбу с религией, генетикой, кибернетикой или криминологией.

Конечно, подавляющее большинство тех, кто профессионально работает с детьми, эти дилетантские нападки на ювенальную юстицию серьезно не воспринимает. Однако, к сожалению, их мнение из политико-популистских соображений в настоящее время игнорируется. В какой-то степени потому, что в профессиональной среде нет единства мнений не только по стратегическим вопросам развития ювенальной юстиции, но и по поводу того, что под этим понимать.

Пытаясь разобраться в этой проблеме, я сделал для себя некоторые выводы, которыми хочу поделиться. Для начала предлагаю профессиональному сообществу использовать два вышеозначенных термина («ювенальная юстиция» и «дружественное к

[1] О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: утверждена Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/70183566/.

ребенку правосудие») как синонимы, а затем с помощью логического приема, который называется «терминологическая конвенция», договориться об однозначном толковании используемых понятий.

Развитие общества идет через специализацию социальных институтов – школы, полиции, суда и т. п. Ювенальная юстиция – это не диверсия «темных сил», надвигающихся на нас с Запада или с Востока. Это – результат специализации, а затем кооперации социальных институтов, основаниями для которых служат возрастные особенности несовершеннолетних. Попытка создания судов по делам несовершеннолетних – только элемент такой специализации. Не вижу ничего предосудительного также в более глубокой «ювенализации» и дальнейшей кооперации следователей, адвокатов, педагогов, психологов, социальных работников…

Под *ювенальной юстицией* предлагается понимать кооперацию социальных институтов, обеспечивающих: 1) физическое, интеллектуальное и духовное развитие ребенка; 2) охрану прав и свобод несовершеннолетнего и надзор за ним (безопасность); 3) «умное» щадящее правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей и несовершеннолетних жертв. Без взаимодействия друг с другом ни один из специализированных социальных институтов не может решить задач, для которых они предназначены [4].

Попросту говоря, если ребенок по каким-то причинам (став жертвой или сам совершив преступление) «выпал» из траектории нормального развития, то созданная для взрослых юстиция малоэффективна, а институты, призванные обеспечить нормальное взросление ребенка, без поддержки юстиции будут «пробуксовывать», им нужно объединить свои усилия, вступить в кооперацию. Лучше если алгоритм такой кооперации будет не разовым, а постоянно действующим.

Каркас интегрированного социального института, именуемого ювенальной юстицией, создает *ювенальное право* – межотраслевой (смежный) правовой институт, а в перспективе, возможно – комплексная отрасль права. В настоящее время это – совокупность специализированных правовых норм, субъектом или объектом которых является несовершеннолетний. Такие нормы имеются во всех основных отраслях законодательства, а потому есть смысл выделять такие отраслевые институты как *конституционное, семейное, гражданское, трудовое, административное, гражданско-процессуальное, административно-процессуаль-ное и уголовно-процессуальное ювенальное право*.

Обособление ювенального права – естественный и длительный процесс, начавшийся, по нашему мнению, в момент зарождения права. В самых древних источниках права можно встретить, например, нормы об особенностях наследования несовершеннолетними детьми.

Ювенальная юстиция и ювенальное право – не раз и навсегда данные, окостеневшие, а постоянно развивающиеся подсистемы. С определенной долей условности в развитии ювенального права и ювенальной юстиции можно выделить две основные ступени развития: 1) специализированная; 2) особая. На первой несовершеннолетний рассматривается как «недовзрослый» и, в соответствии с этим подходом, рассчитанная на взрослых система права и юстиции, «затачивается» под особенности несовершеннолетних. На второй ступени несовершеннолетний рассматривается как особое существо, почти как инопланетянин – не только как особый объект, но и как активный субъект правовых отношений.

Чтобы понять, куда «плывет» корабль российского ювенального уголовного права надо оглянуться на «пройденные мили». А оглянувшись, нетрудно заметить, что российское уголовное право, как, впрочем, и уголовно-процессуальное, и уголовно-исполнительное, несмотря на зигзаги и отступления, последовательно держит курс на специализацию и обособление норм о несовершеннолетних. В длительной исторической ретроспективе отчетливо просматриваются еще две тенденции: повышение минимального возраста, с которого можно применять уголовное наказание, и распространение статуса несовершеннолетних на лиц, пограничного возраста – «молодых взрослых».

Достаточно сравнить хотя бы УК РСФСР 1961 года и УК РФ 1996 года. Если в Общей части первого имелось только 3 статьи, посвященные несовершеннолетним, то в действующем УК РФ появился отдельный Раздел V – «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и отдельная Глава 14 – «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних». Если в Особенной части УК РСФСР составы преступлений против несовершеннолетних были размещены в разных главах, то в действующем УК значительная их часть обособлена в Главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

С точки зрения правовой теории мер безопасности несовершеннолетний одновременно является объектом охраны и источником опасности. Первая часть дихотомии в обществе почти утвердилась, а вторая нередко воспринимается в штыки: разве можно несовершеннолетнего рассматривать в качестве источника опасности? Полагаю, что можно и нужно. Именно этим объясняются возрастные ограничения в различных отраслях права, например, профессиональные запреты. В уголовном праве несовершеннолетний также представлен в двух ипостасях: как объект особой охраны и как специфический источник опасности. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с содержанием Главы 20 УК РФ – «Преступления против семьи и несовершеннолетних» и Главы 14 УК РФ – «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних».

Об особенностях несовершеннолетнего возраста в криминологической и уголовно-правовой литературе написано много и внятно, в том числе в учебниках. Главные из них – социальная, нравственная и психическая незрелость, из которых проистекает податливость как к дурному, так и доброму влиянию. Именно они обусловливают, с одной стороны, специфику уголовно-правового обращения с несовершеннолетними, совершившими деяние, запрещенное уголовным законом, а, с другой стороны, охрану физического, психического и духовного развития несовершеннолетнего.

К обстоятельствам, которые обусловливают особое обращение с несовершеннолетними, можно добавить еще одну закономерность – снижение рождаемости. Социальная «цена» каждого ребенка возрастает. Общество, если оно действительно озабочено своим будущим, должно еще более бережно относиться к представителям молодого поколения и еще более внимательно относиться к главной рекомендации Конвенции о правах ребенка – содействовать «наилучшему обеспечению интересов ребенка».

Уголовно-правовое воздействие – разновидность социального управления [5], а для эффективного управления его субъекты должны максимально учитывать особенности объекта. Соответственно меры уголовного воздействия должны быть адекватны возрастной специфике и насколько это возможно разнообразны. Как это сделать применительно к несовершеннолетним? Для разъяснения моей личной позиции по этой проблеме вынужден сделать небольшое отступление и изложить еще раз несколько отличающуюся от традиционной, авторскую трактовку структуры мер уголовного воздействия.

На мой взгляд, следует отказаться от использования в уголовном праве такой юридической фикции как «уголовная ответственность». Ее целесообразно заменить понятием «меры уголовного воздействия». В свою очередь, все предусмотренные Уголовным кодексом меры воздействия можно подразделить на три вида: а) *однородные*, основу которых составляют четыре вида санкций – *наказания*, *безопасности*, *восстановления* и *поощрения*; б) *многофункциональные* – представляющие собой «молекулярный сплав» сразу нескольких санкций и г) *комплексные*, в которых «параллельно» соединяются несколько видов санкций.

К однородным мерам уголовного воздействия относятся штраф, обязательные работы, лишение наград и званий; к многофункциональным – лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью; к комплексным – лишение свободы, условное осуждение, принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия.

Уголовное наказание – не совсем подходящий для несовершеннолетних вид уголовного воздействия. Как известно, в основе карательного механизма лежит лишение

или ограничение определенного блага пропорционально содеянному. Предполагается, что наказанный должен рационально взвесить выгоды и невыгоды преступления и наказания. Наказание предназначено заставить наказанного страдать, запуская тем самым механизмы рационального расчета и эмоциональных переживаний.

Человеческие существа в несовершеннолетнем возрасте мало какими благами обременены, а потому перечень наказаний, которые можно применить к этой категории подсудимых вполовину меньше, чем для взрослых (сравните наполнение ст.ст. 43 и 88 УК) Они еще не созрели для рационального расчета и взвешивания и, в большинстве своем, не воспринимают наказание как конечный результат собственного преступного деяния. Долгое следствие и судебное разбирательство этому соразмерению отнюдь не способствуют. Карательные обременения еще воспринимаются детьми как некий произвол человека, одетого в мантию.

Практика применения уголовных наказаний еще более сужает спектр наказаний, которые применяются к несовершеннолетним [6].

Таблица.

Основные виды наказания, назначенные осужденным, совершившим преступления в возрасте 14 – 17 лет

Виды наказаний	2009		2010		2011		2012		2013		2014		2015	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Реальное лишение свободы	11678	21,2	8644	19,0	6065	16,4	5053	16,1	4604	16,5	3923	18,2	3955	19,4
Условное осуждение к лишению свободы	27912	50,7	23069	50,6	18466	49,9	13531	43,2	11479	41,1	10176	47,1	9449	46,2
Условное осуждение к иным мерам	1005	1,8	705	1,5	513	1,4	578	1,8	571	2,0	343	1,6	296	1,4
Ограничение свободы	–	–	488	1,1	655	1,8	984	3,1	962	3,4	630	2,9	573	2,8
Исправительные работы	1117	2,0	686	1,5	407	1,1	502	1,6	472	1,7	295	1,4	286	1,4
Обязательные работы	7359	13,4	7130	5,6	6613	17,9	6749	21,6	6391	22,9	3974	18,4	3829	18,7
Штраф	5998	10,9	4889	10,7	4267	11,5	3916	12,5	3442	12,3	2253	10,4	2043	10,0
ИТОГО	55070	100	45611	100	36986	100	31313	100	27921	100	21594	100	20431	100

Как видим, около 50 % несовершеннолетних, представших перед судом, осуждаются условно, а впоследствии значительная часть из них освобождается от лишения свободы условно-досрочно. В современной трактовке эти виды освобождения – это уже не наказание, а альтернативные ему виды уголовного воздействия. В оставшейся половине доминируют три вида наказания*:* реальное лишение свободы (18, 4%), обязательные работы (17,6 %), штраф (11,2 %).

Уголовное наказание в России как, впрочем, и во всем мире продолжает терять свои монопольные позиции, особенно в отношении несовершеннолетних. И это – вполне нормально и приемлемо. В ФРГ, например, к несовершеннолетним применяется только один вид наказания – лишение свободы до 10 лет, которое назначается исключительно редко, как последний довод (ultima ratio). В основе ювенального уголовного права ФРГ лежит воспитательная идея. Вместо наказаний в отношении несовершеннолетних немцы используют широкий спектр мер воспитательного воздействия [7].

Может быть и нам – россиянам, следует присмотреться к мировым тенденциям и прислушаться к «коллективному разуму» российских судей. Известный специалист в области ювенального уголовного права – Л.М. Прозументов обоснованно призывает сужать перечень, применяемых к несовершеннолетним наказания и, наоборот, расширять применение альтернативных наказанию мер и, в частности, принудительных мер воспитательного воздействия [8, с. 90 – 92].

На мой взгляд, в перспективе из наказаний для несовершеннолетних можно сохранить только обязательные работы и лишение свободы. Причем лишение свободы следует применять в крайних случаях: за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, общественная опасность совершения которых для несовершеннолетних очевидна. На это нас правильно ориентирует упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда. Вместо штрафа, редакция которого в части «переложения» его карательного содержания на родителей, очень сомнительна, вполне можно применять восстановительные санкции: возмещение вреда, медиацию и т. п.

Тренд «от уголовного наказания к принудительным мерам воспитательного воздействия» еще не вполне осмыслен, обоснован и не очень отчетливо артикулирован в уголовной политике. Тем не менее, идею приоритетности принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ) уже разделяет российский законодатель. В ч. 2 ст. 87 УК принудительные меры поставлены перед наказанием. Именно в этом направлении меняется правосознание судейского сообщества. Частота применение реального уголовного наказания к несовершеннолетним, хотя и медленно, но неуклонно снижается. В соответствии с п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, «суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия».

К сожалению, эта «уголовно-политическая воля» не получила сопровождения в виде корректировки соответствующих статистических формуляров, в силу чего не удается вычленить данные о частоте применения ПМВВ в целом по России. При сопоставлении данных о количестве лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и количестве осужденных за период за 2009-2013 годы, обнаруживается тенденция, согласно которой доля несовершеннолетних, которые не были осуждены, повышается (с 34 % в 2009 г. до 51,9 % в 2013 г.). В опубликованной статистике нет сведений о частоте освобождения от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Есть только данные об освобождении от уголовного наказания по всем основаниям, в т. ч. по амнистии. Этот показатель имеет тенденцию к возрастанию: от 2,4 % (2009 г.) до 4,4 % (2013 г.) и до 10,5 (2015 г). Предполагаю, что при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания есть значительная доля освобождений с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Но по данным И.Н. Тюриной, которая специально исследовала эту проблему, количество подобных случаев не превышает 5 % от общего количества судебных решений вынесенных в отношении несовершеннолетних [15, с. 16]. Она пришла к выводу о том, что «суды по возможности стараются избегать назначения принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности, отдавая предпочтение иным средствам уголовно-правового воздействия, в первую очередь условному осуждению к лишению свободы» [9, с. 8].

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Суды все меньше и меньше прибегают к назначению несовершеннолетним реального наказания, но при этом при освобождении от него, несмотря на указания Пленума Верховного суда РФ, достаточно неохотно применяют ПМВВ. Почему? Ведь принудительные меры воспитательного воздействия как нельзя лучше соответствуют возрастной специфике несовершеннолетних.

Одна из рабочих гипотез «непопулярности» ППВВ состоит в том, этот институт ПМВВ слабо разработан в теоретическом плане и у судей нет ясного понимания его пра-

вовой природы. Наибольшее число дискуссии связано с отнесением ПМВВ к тому или иному виду мер уголовно-правового характера. Одни исследователи (Л.В. Багрий-Шахматов, В.И. Горобцов, Л.А. Кривоченко, А.В. Наумов) принудительные меры специфической формой осуществления уголовной ответственности, другие (Е.В. Болдырев, П.В. Иванов, Д.В. Карелин, Н.Ф. Кузнецова, И.С. Ной, В.А. Пимонов, Н.К. Семернёва) – мерами, альтернативными уголовной ответственности и наказанию Некоторые авторы (В.И. Арькова, Г.В. Виттенберг, Г.С. Гаверов, С.Г. Келина, А.Е. Якубов) полагают, что к определению юридической природы данного института уголовного права следует подходить поразному, в зависимости от того, каков порядок применения судом принудительных мер воспитательного характера: освобождение от ответственности или от наказания.

В нашей трактовке ПМВВ – это комплексные меры уголовного воздействия, в которых параллельно соединяются: а) санкции поощрения (освобождение от наказания); б) санкции безопасности (специальные запреты и обязанности); в) меры психолого-педагогического воздействия; и г) санкции восстановления [10]. Соответственно каждая из составляющих преследует свои цели, имеет свои основания и выполняет свои функции. Цель поощрения – освободить оступившегося несовершеннолетнего от положенных по закону карательных обременений. В основании поощрения лежит «уголовно-значимая заслуга» – составной юридический факт: совершение запрещенного деяния (неправомерное действие) и несовершеннолетие (длящееся событие). Функция – нейтрализовать карательные обременения, которые могут помешать процессу нормального взросления.

Цель ограничений безопасности, входящих в состав данной меры уголовного воздействия – защита окружающих и самого несовершеннолетнего. Их основаниями являются общественно опасные свойства личности, часть из которых нашла выражение в совершении деяний, запрещенных законом. Помимо обеспечения безопасности они создают «берега» для более эффективного применения психолого-педагогических мер. Сами психолого-педагогические (собственно воспитательные) меры преследуют цель исправления и перевоспитания. Их основаниями служат наличие личностных пробелов, которые затрудняют социализацию подростка. Именно психолого-педагогические меры является содержательной «начинкой» ПМВВ.

В 1996 году в комплекс ПМВВ заложен новый «ингредиент». Я имею ввиду «возложение обязанности загладить причиненный вред» (п. «г» ст. 90 УК РФ), которая в моей трактовке маркируется как санкция восстановления. Меры восстановления во всем мире считаются одним из достаточно эффективных средств противодействия девиантному и правонарушающему поведению несовершеннолетних [11]. Все более востребованными становятся они и в нашей стране [11]. Преступление чаще всего есть результат межличностного конфликта, усугубляет его или порождает новый. Восстановительные технологии (возмещение вреда, медиация) несут в себе огромный криминально-предупредительный эффект, который в России пока недооценивается.

Принудительные меры воспитательного воздействия нуждаются в самом пристальном комплексном научном исследовании и корректировке. Во-первых, они, в отличие от уголовного наказания, могли бы применяться к несовершеннолетним, совершившим деяние, запрещенное уголовным законом, с одиннадцатилетнего возраста [12]. Во-вторых, перечень ПМВВ должен быть критически пересмотрен. Из него следует исключить «предупреждение», а также «передачу под надзор родителей», поскольку родительский надзор должен осуществляться и без решения суда. Просматривается необходимость большего разнообразия восстановительных мер (обязанность частичного возмещение вреда, обязанность возмещения вреда личным трудом), включения обязанности «пройти курс социально-психологического тренинга», обязанности «пройти процедуру медиации». В-третьих, перечень ПМВВ должен быть более развернутым, но не открытым, как сейчас, а исчерпывающим. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, вводить какую-либо новую принудительную меру должен не правоприменитель или правоисполнитель, а правотворец.

Другая причина «непопулярности» ПМВВ среди судей состоит в некачественной теоретической и законодательной проработке процессуальных и уголовно-исполнительных аспектов этого института. Совершенно очевидно, что для назначения принудительных мер воспитательного воздействия требуются несколько отличающиеся от традиционных, условия, процедура и порядок вынесения судебного решения.

В первую очередь необходима соответствующая квалификация судей. Казалось бы, Пленум Верховного суда РФ уже обратил на это внимание, указав в п. 4 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1: «уголовные дела в отношении несовершеннолетних в судах как первой, так и второй инстанций должны рассматриваться наиболее опытными судьями»; «специализация судей по делам несовершеннолетних предусматривает необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и переподготовки не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых в рамках процессуального законодательства. В этой связи рекомендовать судам также внедрять современные методики индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними обвиняемыми и подсудимыми».

Однако при вдумчивом изучении этого положения, четких квалификационных требований в нем не обнаруживается. Каковы критерии «опытности»? Практически любой выпускник юридического вуза когда-то изучал социологию, педагогику, криминологию, разделом которой является виктимология. Достаточно ли этого? Общероссийской системы повышения квалификации «ювенальных судей» нет, а на региональном уровне все зависит от усмотрения руководства.

Но какую бы широкую подготовку судья не получил, ему при вынесении решения всегда будет нужна квалифицированная помощь профильных специалистов в области, психологии, педагогики, социальной работы. Многое можно восполнить через привлечение эксперта и (или) специалиста (ст.ст. 57, 58 УПК РФ). Но для того, чтобы ориентироваться в неюридических предметных сферах и в реальных возможностях соответствующих служб, нужен институт помощника судьи с функцией социального работника. Такой опыт проработан и внедрен в Ростовской области [13]. Логично также, что процессуальные нормы должны предоставлять упрощенную процедуру назначения, изменения, отмены одних и назначения других процессуальных мер.

Более широкое применение ПМВВ в значительной степени тормозит дефицит ресурсов для их исполнения. Если мы признаём, что это – меры уголовного воздействия, значит, их исполнение должно регламентироваться уголовно-исполнительным законодательством. При назначении наказания условно судья, по крайней мере, видит, какие ресурсы для этого имеются, и каковы последствия неисполнения. Назначая ту или иную ПМВВ, трудно понять, какой орган может её исполнить в полном объеме. Исполнение санкций безопасности, которые входят в комплекс ПМВВ, могут осуществлять подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, а также специалисты по режиму специальных учебно-воспитательных учреждений. А вот инфраструктуры и специалистов, на которые можно возложить исполнение собственно воспитательных мероприятий, не создано. К тому же специальных учебно-воспитательных учреждений для исполнения «стационарных» ПМВВ в большинстве регионов нет.

Расширение применения ПМВВ может быть достигнуто через подготовку и переподготовку специалистов, освоивших современные ювенальные технологии, через создание инфраструктуры оказания содержательной помощи и содействия несовершеннолетним, оказавшимся в социально опасном положении. Совершение деяния, запрещенного уголовным законом – это лишь один из показателей такого состояния. И только интенсификацией надзора и контроля из этой критической ситуации оступившегося несовершеннолетнего не вывести.

В какой-то степени можно даже порадоваться тому, что власти отказались от немедленного реформирования существующей системы ювенальной юстиции. Попытки

создания чего-то сверху, без продуманной и поддержанной специалистами и населением концепции, приводят главным образом только к смене вывесок на учреждениях и кабинетах и к еще большей бюрократизации творческой деятельности. Именно так случилось практически со всеми реформами, инициатива которых шла сверху и сводилась только к принятию закона. Была милиция, а стала полиция. Что изменилось?

Поиск и создание модели ювенальной юстиции, (а соответственно и ювенальной уголовной юстиции) нового поколения должен осуществляться не «сверху вниз», а «снизу вверх», через изменение и совершенствование практик и последующее закрепление их в локальных, муниципальных, региональных, и только в последнюю очередь – в федеральных нормативных актах. Большая часть экспериментально-инновационной деятельности может быть реализована в рамках действующего федерального законодательства, позитивный потенциал которого еще не исчерпан. В случае возникновения коллизий, требующих изменения законодательства на федеральном уровне, можно инициировать принятие федеральных законов «О проведении эксперимента по становлению ювенальной юстиции в субъектах Федерации». Через десяток лет опыт региональных экспериментов должен быть обобщен, и на основе лучших и жизнеспособных образцов принят Федеральный закон «Об основах ювенальной юстиции в Российской Федерации» и внесены необходимые изменения в другие федеральные законы.

При этом вовсе не зазорно использовать успешные практики Запада, Востока, Севера и Юга. Ведь как таковой «зарубежной ювенальной юстиции» не существует. В разных государствах она имеет существенную специфику, которая обусловлена культурой, правовым укладом, количеством и качеством ресурсов, которые общество в состоянии выделить на работу с несовершеннолетними. Российская ювенальная юстиция не будет немецкой или французской, а будет такой, какой мы ее совместно спланируем и создадим.

Такая работа подспудно в регионах велась и не прекращается [14]. Как говорится, собаки лают, а караван идет. Уверен, что через «энное» количество лет, обобщив и осмыслив результаты таких естественных экспериментов, Россия сможет подняться на следующую ступень ювенальной юстиции.

Кое-что делается в этом плане и в Красноярском крае. 10 лет назад по инициативе преподавателей Сибирского федерального университета при финансовой помощи Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности создана «Концепция становления в Красноярском крае ювенальной юстиции нового поколения». Для реализации её концептуальных положений в Сибирском федеральном университете открыта магистерская программа «Ювенальное право и ювенальная юстиция». Через кадровый центр при губернаторе Красноярского края осуществляется повышение квалификации сотрудников, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В одном из молодежных центров г. Красноярска (ММАУ МЦ «Свое дело») в порядке эксперимента была создана Ювенальная служба, в которой с 2010 года с несовершеннолетними, попавшими в социально опасное положение, работают психологи, социальные работники. Экспериментальная площадка служит базой для практики магистрантов. На сегодняшний день в рамках городской целевой программы создано уже 5 экспериментально-внедренческих площадок, объединенных в сетевой проект «Ювенальная служба».

В рамках названной выше магистерской программы осуществляется углубленная подготовка и в области ювенального уголовного права. Ювенальная служба в последующем может стать тем самым недостающим звеном, которое может осуществлять исполнение «воспитательной составляющей» ПМВВ.

Не сомневаюсь, что корабль под названием «Ювенальное уголовное право» будет продолжать движение по пути сокращения наказания и увеличения частоты применения принудительных мер воспитательного воздействия. Но скорость движения будет зависеть от многих переменных: розы политических ветров, частоты и силы социальных штормов, навигационных навыков капитанов, профессионализма и слаженности команды.

Литература

1. *Шумский А*. Зверь, выходящий из бездны //Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/10/20/zver_vyhodyawij_iz_bezdny/.
2. *Мизулина Е*. Ювенальная юстиция противоречит традиционным российским семейным ценностям: стенограмма // Пресс-служба фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе. URL: http://www.soborrostov.ru/index.php/mater/yuvenalyusticiyavrossii/66-2010-10-09-13-59-42/.
3. *Путин В. В*. Ювенальная юстиция – это угроза // Видеохостинг «YouTube.com». URL: https://www.youtube.com/watch?v=8jhL2nv8_RM/.
4. *Щедрин Н. В.* Размышления о ювенальном праве и ювенальной юстиции / Н.А. Никитина // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 3 – 4 октября 2013 г.) / науч. ред. Э.Л. Раднаева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. С. 105 – 112.
5. *Щедрин Н. В*. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 40. С. 319 – 331.
6. Преступность и правонарушения (2009 – 2013): статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. 180 с.
7. *Бибик О. Н*. Введение в ювенальное уголовное право Германии: учебное пособие. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2009. 83 с.
8. *Прозументов Л. М*. Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 183 с.
9. *Тюрина И. Н.* Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания :автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 25 с.
10. *Щедрин Н. В., Никитина Н. А.* О правовой природе и перспективах института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы Российского права. 2013. № 8. С. 1007 – 1011.
11. Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A stock-taking of legal issues, implementation strategies and outcomesin 36 European countries. Vol. 1 bis 2. / Frieder-Duenkel, Joanna Grzywa-Holten, PilipHorsfield (Eds.) – Monchengladbach. VorumVerlagGodesberg, 2015.
12. *Щедрин Н. В., Тупикова А. А.* Возраст мер уголовного воздействия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2. С. 151–159.
13. *Воронова Е. Л.* Практика внедрения ювенальных технологий в Ростовской области // Демографические и экономические аспекты ювенальной юстиции. М.: РБФ НАН, 2008. С. 332 – 361.
14. *Воронова Е. Л*. Внедрение ювенальных технологий в субъектах Российской Федерации // Демографические и экономические аспекты ювенальной юстиции. М.: РБФ НАН, 2008. С. 362 – 369.

Schedrin Nikolai Vasilievich, doctor of law, professor, professor of delictologyand criminology chair of Law institute of Siberian Federal University (79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation).
E-mail: sveroboy@mail.ru

PRINCIPAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF JUVENILE CRIMINAL LAW IN CONTEXT DISCUSSION ABOUT JUVENILE JUSTICE

Abstract

In the article are considered problems of Russian juvenile criminal law in the context of discussions about juvenile justice and juvenile law. The isolation and isolation of juvenile criminal law into a

separate legal institution is the result of a specialization of legal norms, which reflects the specifics of a minor age. The author identifies and comments on one of the patterns of development of juvenile criminal law: a reduction in the use of criminal punishment and an increase in the use of alternative criminal exposure measuresto punishment. In his opinion, the most perspective type of criminal exposure measuresregardingminors should be coercive measures of educational influence (CMEI). Noting factors that hinder the increase in the frequency of their use, the author formulates a number of proposals that can contribute to this: a new interpretation of the legal nature of the CMEI, changing their list, improving the procedure for appointing and creating the infrastructure of executionof actual educational activities.

Keywords: *juvenile justice, juvenile law, juvenile criminal law, criminal punishment, coercive measures of educational influence, infrastructure of execut.*

References

1. SHumskij A. Zver', vyhodyashchij iz bezdny //Russkaya narodnaya liniya. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/10/20/zver_vyhodyawij_iz_bezdny/.
2. Mizulina E. YUvenal'naya yusticiya protivorechit tradicionnym rossijskim semej-nym cennostyam: stenogramma // Press-sluzhba frakcii «Spravedlivaya Rossiya» v Gosudarstvennoj Dume. URL: http://www.soborrostov.ru/index.php/mater/yuvenalyusticiyavrossii/66-2010-10-09-13-59-42/.
3. Putin V. V. YUvenal'naya yusticiya – eto ugroza // Videohosting «YouTube.com». URL: https://www.youtube.com/watch?v=8jhL2nv8_RM/.
4. SHCHedrin N. V. Razmyshleniya o yuvenal'nom prave i yuvenal'noj yusticii / N.A. Nikitina // Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i problemy yuvenal'noj ugolovnoj politiki: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu Verhovnogo suda Respubliki Buryatiya (g. Ulan-Ude, 3 – 4 oktyabrya 2013 g.) / nauch. red. E.L. Radnaeva. – Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2013. S. 105 – 112.
5. SHCHedrin N. V. Ugolovnoe upravlenie // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2018. № 40. C. 319 – 331.
6. Prestupnost' i pravonarusheniya (2009 – 2013): statisticheskij sbornik. M.: GIAC MVD Rossii, 2014. 180 s.
7. Bibik O. N. Vvedenie v yuvenal'noe ugolovnoe pravo Germanii: uchebnoe posobie. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2009. 83 s.
8. Prozumentov L. M. Nesovershennoletnie: prestupnost', osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006. 183 s.
9. Tyurina I. N. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdejstviya kak vid osvobozhdeniya nesovershennoletnih ot ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2016. 25 s.
10. SHCHedrin N. V., Nikitina N. A. O pravovoj prirode i perspektivah instituta osvobozhdeniya s primeneniem prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya // Aktual'nye problemy Rossijskogo prava. 2013. № 8. S. 1007 – 1011.
11. Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A stock-taking of legal issues, implementation strategies and outcomesin 36 European countries. Vol. 1 bis 2. / Frieder-Duenkel, Joanna Grzywa-Holten, PilipHorsfield (Eds.) – Monchengladbach. VorumVerlagGodesberg, 2015.
12. SHCHedrin N. V., Tupikova A. A. Vozrast mer ugolovnogo vozdejstviya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2017. № 2. S. 151–159.
13. Voronova E. L. Praktika vnedreniya yuvenal'nyh tekhnologij v Rostovskoj oblasti // Demograficheskie i ekonomicheskie aspekty yuvenal'noj yusticii. M.: RBF NAN, 2008. S. 332 – 361.
14. Voronova E. L. Vnedrenie yuvenal'nyh tekhnologij v sub"ektah Rossijskoj Federacii // Demograficheskie i ekonomicheskie aspekty yuvenal'noj yusticii. M.: RBF NAN, 2008. S. 362 – 369.